

Людмила Палехова

Кошкины
слёзы

Деревенские страницы

Людмила Палехова

**Кошкины слёзы.
Деревенские страницы**

«Издательские решения»

Палехова Л.

Кошкины слёзы. Деревенские страницы / Л. Палехова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981948-2

Рассказы Людмилы Палеховой рождены большим желанием автора передать читателю «русский дух» нашей глубокой старины, откуда мы все родом. По-русски складное слово завораживает, увлекает и заставляет задуматься, остановиться на бегу и прислушаться к своему сердцу. На одном дыхании читаешь рассказ за рассказом — нескончаемую повесть о России. Член Российского Союза Писателей, поэт, филолог Л.А.Астафьева

ISBN 978-5-44-981948-2

© Палехова Л.
© Издательские решения

Содержание

А я Яшу подпояшу, а я Яшу снаряжУ	6
Во поле берёзонька	8
Грация минувшего	9
Дедова наука	11
Такая разная осень	13
Три «о» в отношениях	15
Черёмуха	16
Языковой барьер	18
Настоящее сокровище.	20
Из бабушкиного сундука	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кошкины слёзы Деревенские страницы

Людмила Палехова

Редактор Людмила Алексеевна Астафьева

© Людмила Палехова, 2020

ISBN 978-5-4498-1948-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уважаемый читатель!

Занимаясь изучением русской народной культуры и традиций в течение многих лет, я в своих очерках и эссе продолжаю, как исследователь и археолог, искать и находить в обычной жизни бесценные крупницы духовности и мудрости предков. Все события, а часто и имена героев моих рассказов подлинные, не придуманные нарочно. Память хранит воспоминания далеких лет и портреты дорогих сердцу людей, многих из которых уже нет рядом. Но их простая крестьянская философия, бесконечная наполненность любовью для меня остается примером правильного отношения к жизни, неким ориентиром в житейском море.

Дорогие мои! Цените себя и своих близких, не допускайте в свою жизнь грязи, фальши и безверия. Надеюсь, мои скромные труды, мои мысли и суждения помогут вам выбрать верный путь.

А я Яшу подпояшу, а я Яшу снаряжу

– Давай быстрее, уже выходить пора!

– Да я почти готов... Нищему собратъся, только подпоясаться!

Такой шуточный диалог, услышанный краем уха когда-то давно, пришёл мне на ум, когда при изучении древнерусской культуры меня заинтересовали пояса, как часть обрядового костюма. И в самом деле, для чего нищему пояс?... У него же ничего нет, но чтобы собратъся, он должен подпоясаться – верёвочкой, лыком ли, неважно... Собратъся. Собрать себя. Это значит, упорядочить свои мысли, направить внимание на начало нового пути или выполнение какой-то задачи.

Опоясывание – это не только завершение костюма, его скрепляющая деталь, но и замыкание обережного круга вокруг тела, окончательное разграничение моего внутреннего мира, где я сам себе хозяин, и внешнего – с его непредсказуемостью и враждебностью. Ведь в окружающем мире мне угрожает множество опасностей: зной, холод, ветер, люди и животные. Выходя в неведомый мир за пределы своего дома и селения человек вынужден был защищать свою жизнь при помощи обережных знаков и ритуалов. (Как тут не вспомнить чёрную кошку или зайца, перебежавших некстати дорогу путнику...) Подпоясывание – это один из обрядов подобного рода.

Сам пояс символизирует жизненный путь человека. Вначале из небытия, из хаоса появляются нити, которые, собираясь в точку, обозначают начало жизненного пути. Краевые нити пояса обычно делались чёрными, яркими или контрастными, чтобы отделить свое пространство от того, что «не я». Основная жизненная задача закодирована в сочетании различных цветов и орнамента по всей длине пояса. Здесь жизнь человека проходит от точки до точки – завершающего узла, из которого нити простираются в бесконечность бытия. Ярги и косые кресты, вытканые или вышитые на ткани пояса, а также любые другие орнаменты, несут в себе идею непрерывного движения и возрождения жизни. Солнечное вращение и текучесть земных и небесных вод скрыты в переплетении нитей обыкновенного крестьянского пояса, бытующего в повседневном обиходе.

Пояса носили все от мала до велика. Первый белый поясок повязывали ребёнку в возрасте около трёх лет, когда дитя проходило посвящение «в пол»: мальчику впервые надевали порты, а девочке подпоясывали рубашечку. До этого возраста дети считались младенцами и бегали в одинаковых рубашонках. Девки-невесты ткали, скручивали или плели себе красные яркие пояски с кисточками на концах – символ девичества. К свадьбе девушка должна была выткать множество узорных поясов для мужниной родни – на подарок. В чередѣ шагов свадебного обряда был и обряд одаривания новоиспечѣнных родственников: кому вышитый рушник, кому красивую юбку, кому нарядный пояс, чтобы два рода символически слились в общем потоке, давая начало новому ручейку из детей и внуков.

Про того же, кто начинал буянить говорили:

– Вот распоясался!

То есть человек потерял разумность, «не в себе», не ведаѣт, что творит...

С арестантов первым делом снимали пояса и поясные ремни – лишали собственной воли. Теперь эти люди не хозяева себе и своей жизни, подневольные и бесправные.

И наоборот. Когда крестьянская община выбирала атамана среди кулачных бойцов, самого лучшего и достойного старейшины подпоясывали особым образом конскими вожжами, приготовленными на такой торжественный случай. Часто эти вожжи бывали ткаными и узорчатыми.

Узоры на поясах, их ширина, длина и цвет подбирались под будущего хозяина. Мастерица заранее знала обычно, какой пояс и для кого предназначен: мужчине, женщине сред-

них лет или молодухе. И повязывались они по-разному. Способов изготовления поясов тоже достаточно много: это и ткачество на берде, на дощечках-топках, «на сволочках» и т. п.; – кручение; – плетение на пальцах (так называемые «дёрганцы») и т. д.

В каждой местности свои традиции, материалы и орнаменты. Но суть остаётся неизменной: пояс – неотъемлемая часть русского костюма – была, есть и будет. С поясом теплее, красивее и надёжнее идти по жизни. Пояс охраняет, вразумляет, оберегает и украшает, помогает сберечь силы и направлять их в русло созидания и плодородия.

21.06.2015г.

Во поле берёзонька

Апрель нынче выдался холодный. Везде грязные островки снега, слякотно, промозгло... Где же это лето? О, лето! Память вихрем уносит в благословенное деревенское лето далекого 1976-го.

«Одна тому пора, когда сено косят!» – говаривал дедушка Федор, ловко поддевая деревянными вилами-рогатиной сразу полкопны пылящего трухой свежего сена и укладывая его на верхушку стога между торчащими в ряд стожарами. Сено зеленое, пахучее, хрустящее и рыхлое, оно только кажется невесомым, на самом деле метать на стог здоровенные охапки – работа для крепких мужиков. Дед хоть и старьёй, а сила у него недюжинная.

На соседней позже свой стожок выметывает тетка Софья – колченогая, жилистая, с расплюснутыми от работы руками. С детства помню ее старухой: обветренное лицо в морщинах, мозолистые ладони, узловатые пальцы. Шутка ли, одной четверых поднимать! А в деревне на полеводстве заработки какие? Слезы! Вот и пласталась Соня за себя и за мужа-электрика.

Она-то и смолоду не красавица была, а ее Илья был красив особой северной красотой – голубоглазый, улыбчивый. Троих девок одну за одной родила Софьюшка мужу, а ему все сына хотелось. Вот еще через пять лет и народился долгожданный сыночек Семушка.

Только ему и года не было, как Илья погиб. Залез на столб линию ремонтировать, а в это время двое подвыпивших односельчан забрели на подстанцию и включили рубильник. Илья упал замертво, сжимая в обгорелых пальцах пассатижи. Говорят, даже суд был над пьяницами, осиротившими четверых ребятишек, да только те отбрехали как-то, ничего им за это не было.

А Семён уродился весь в отца – коренастый, плотный, умный и доброжелательный. Такой же русый чуб над голубыми глазами и широкая добродушная улыбка.

Илья на рождение сына березку посадил в родном дворе: как березка растет, так и сын крепнет. Деревце же сначала споро поднималось, а затем словно бы задумалось:

– Быть или не быть?

И как будто замерло в росте, а через несколько лет и вовсе засохло. Вроде Семёну недолгий век сулит примета, только мы для себя решили, что все это бабкины суеверия, и точка.

Семён вырос, уехал в большой город поближе к сестрам. Женился на адвокатше с властным и суровым характером, двое сыновей родились в ее «природу» – длинные и бледные, как картофельные ростки в теплом погребе. Парни образованные, умные, сразу видно, далеко пойдут.

Семён Ильич работал на энергетическом предприятии, часто оставался за мастера, а образования не хватало. Вот и пришлось на четвертом десятке садиться за парту. Как-никак, а техникум осилил. Правда, здоровье стало подводить. Было даже, что в спину так вступило, что ноги на полгода отнялись. Потом отошло, слава богу.

Снова работал, растил детей, изредка ездил на родину – глотнуть свежего воздуха, отдохнуть душой. И вот дождался, когда сыновья поступят в институт, а у старшей сестры Нины – юбилей, 55 лет. Собрался на торжество с женой и сыном, но в последнюю минуту остался дома: «Идите одни!». Не успели выйти из подъезда, он звонит им на мобильный:

– Мне совсем плохо.

Вернулись в квартиру, а Семёна уже инфаркт скрутил «в бараний рог». Сердце остановилось. Так березка всю правду сказала, а мы не верили...

Грация минувшего

Так и не удалось мне узнать, как наречена была по метрикам эта женщина – Агриппина или Аграфена, а теперь уже и спросить не у кого: деревня давно обезлюдела. Звали ее Графия. Мне в то время лет 7 было, но уже тогда это имя казалось диковинным, почти сказочным, ведь звучит почти как «графиня».

А сама Графия внушала нам, детворе, необъяснимый страх, поскольку похожа была на настоящую бабу-Ёжку. Грязные космы волос торчат во все стороны, в морщинистые складки на шее набилась сажа, взгляд мутный и блуждающий. И то правда, была она не в себе, а потому соседи жалели убогую старушку и помогали кое-как существовать: кто дровишек даст, кто еды какой немудреной.

Покосившаяся избушка Графии стояла на краю деревни возле самого спуска к реке – по пологому склону проходила поросшая травой колея. По ней, видимо, ездили на Бакшиху – большой заливной луг, окаймляемый излучиной реки с рубиновым названием Лала. Трава-исадина росла там тучная, сочная. Огромные стога наметывали колхозники на Бакшихе – единственной ровной пожне, на которую можно было запустить конные косилки, грабли и волокуши. Это вам не лога, угоры да неудобья.

По этой же дороге бабы ходили на речку белье полоскать, а мы, мелкотня, бегали купаться. Вот раз идем среди дня на речку искупнуться, только из-за угла Ольгиного дома вывернули, а тут как хлопает! Мы так и подскочили на месте. Огромный коршун, прервав пиршество, заполошно взлетел от Графииного дома. На траве – кровь и перья. Это он бабкину курицу растерзал, разбойник!

У Графии и были-то две курочки: одна неслась, а другая уже яиц не давала – старая была. Так он, подлец, несущку выбрал – чай, помоложе, повкусней. Пришлось хозяйке и вторую убрать, осталась Графия совсем без живности.

Как она жила?.. На что жила? Никогда не мылась, в магазин не ходила. Моя бабушка говорила, что какое-то пособие от государства Графия все-таки получала. А колхозные пенсии были куда как велики: у бабушки 28 рублей в месяц, у деда – 40, к примеру. И то это, когда им добавили, сначала-то 12 рублей получали.

Как-то раз Надежа (её всю жизнь Надежей звали) Савдатова, соседка, луку репчатого Графии принесла. Зашла в избу, да так и ахнула: на столе, на кровати, на лавке – повсюду деньги бумажные разложены. Графия говорит:

– Записнивели маненько, так я их мыла. Сушу вот...

Сколько себя помню, как только речь о Графии заходила, все упоминали о том, что пологая бабуля о смерти мечтает. «Как бы так поскорее умереть, но только чтобы ничего моего другим не досталось!» И удумала.

Однажды зимой, часов в пять утра жители почуяли запах гари. Да ведь не лето: от дома к дому только узкие тропинки натоптаны, кругом сугробы по пояс. Пока разобрались, пока прибежали с баграми – там уж полыхает.

Дедушка мой всегда был отзывчив к чужой беде, да и жил неподалеку, одним из первых на пожар поспел. И видит в окошко в отсветах пламени такую картину: сидит Графиюшка в избе за столом, голову кулачком подпирает, двери все растворены, а в сенцах пламя бушует. Сперва хотели ее через окно багром вытащить, да где там! Снег глубокий возле дома, окна маленькие, а под окнами в избе, как водится, лавки вдоль стен. Удалось достать только обгорелую головешку без рук, без ног. Положили тут же на дорогу в колею. А домишко сгорел дотла, только искры да ошметки какие-то летели по сторонам.

Дедушка Федор и гроб делал для самоубийцы и хоронил сам – все боялись. С тех пор само пожарище и место, где сгоревшая Графия лежала, стало проклятым. Ближе никто не под-

ходил, а дорожная колея сама собой этакую кривулину сделала. Даже с черемухи дети ягоды не рвали, говорят, туда лапоть графин улетел. Вот так ничего никому и не досталось. Все, как она хотела. Хоть и сумасшедшая, а свое дело по уму сделала – и затушить не успели, и соседей не спалила: дома-то рядышком стояли. А на Божьем суде каждый сам за свои поступки ответ держать будет, бабушка говорила.

А ведь когда-то и муж, по слухам, у Графини был: воевал в гражданскую в Белой армии, да похоже, там и сгинул. Дети то ли были да померли, то ли не было их, кто теперь знает... А только душа ее не смирилась с колхозными порядками и советской властью, как я понимаю, вот и жила былая красавица, теперь без роду без племени, в своем выдуманном мире и ушла по своей воле, гордая и не покорившаяся. Такая она, Графиня.

Дедова наука

Телега с грохотом тряслась по комьям засохшей глины и ухабам старой деревенской дороги, то и дело ныряющей в глубокие ложбины и с натугой выползающей на крутые угоры Северных увалов. Скольких таких спусков и подъемов уместилось в семи километрах пути от нашей Ворончихи до центрального села Верхне-Лальского сельсовета – не сосчитать. Уже с Емельянихи открывается знакомый вид: на самом красивом месте с незапамятных времён высится бело-желтый Михайло-Архангельский храм о семи маковках с высокой колокольней. Это главный ориентир на местности. А уж от него пару раз в неделю ходит раздолбанный автобус до райцентра.

Дед Фёдор выпросил у совхозного бригадира лошадь – гостей к автобусу увезти. Уезжали дочь Капа с мужем (мои родители), сын Толя (мой дядя – самый любимый) и внук Димка (мой двоюродный брат). А я еще на денёчек оставалась в милой сердцу деревне. Мне назавтра тоже пора было ехать, хотя и не хотелось. Ох, как не хотелось! Но проводить родню с дедом на лошадке – какая же 16-летняя девчонка откажется!

Бабушка Александра, как водится, вышла провожать гостей на угор на краю деревни, расцеловала всех, благословила и долго ещё стояла, глядя из-под ладони, крестя их в спину и прикладывая к заплаканному лицу вылинявший от частых стирок ситцевый фартук.

Мои мужчины, смахивая неловким движением подкатившие к глазам слёзы, оглядывались и махали бабушке рукой. Шутка ли, оставляют в который раз родного человека и свою малую родину... Поневоле сердце шемит... Только 12-летний Димка беззаботно махал сорванной по пути травинкой и, не оборачиваясь, весело шагал вперед.

Погрузили вещи на телегу и покатали. Дед, как обычно, немногословный и суровый, больше молчал, думая свою невеселую думу. Вот опять они с бабкой одни останутся... Тоскливо на душе. Да ещё старость проклятая одолевает... Крыша вот на доме прохудилась – тёс прогнил, а поправить толком уже сил нету... Так – позакрывал дыру клеёнками да чем попало и отступился... За раздумьями не заметил, как показалось село Верхне-Лалье, в просторечии – Повост.

У церкви на остановке народ скопился, всем до Лальска и в Лузу ехать надо. Кому в больницу на прием, кому на поезд в дальние края. Тут даже Димка, известная балаболка, перестал трещать языком, поутих и призадумался. Вот и автобус. Пыльный ПАЗик вместил всех желающих и покатил по бетонке, согласно расписанию.

Нам с дедом в Правлении совхоза «Ярцевский» навязали попутный груз – отвезти в клуб на Калище кино: две защитного цвета железные круглые банки с бобинами пленки. На пустой телеге они смотрелись сиротливо и одиноко. В молчании тронулись, поехали домой. Те же угоры и косогоры на тряской телеге, только в обратном порядке. Жеребчик наш повеселел и пошел трусцой. Как сейчас помню, был он карей масти, оттого и назвали, не мудрствуя лукаво, Карько. Молодой, шаловливый и, видимо, с юмором. Иначе зачем бы ему так шутить?!

А дело в том, что на одном из крутых спусков этот «юморист» пошел вниз шибкой рысью и ухарски вывернул телегу на вздыбленную буграми глинистую обочину. Телега избоченилась, встала на ребро, мы с дедом и с кино-банками кубарем укатились в придорожный бурьян, конь остановился. Довольный, чуть ли не хихикает стоит! Пошутил, называется.

Не успела я опомниться, как мой 77-летний дед уже был на ногах. Схватил левой рукой поганца под уздцы, а другой – на! на! на! – коню в морду!!!

Кулак у деда крестьянский, тяжелый. На, на! – под рёбра! И матом его трёхэтажным покрыл, да смачно так, с чувством. Коняжка обалдел, морду задрал, глаза выпучил, стоит, трясётся. А дед уже рывком с натугой поставил тяжелую телегу на колёса, отыскал в траве уве-

систые кино-банки, погрузил на повозку, и мы поехали. Всё происшествие заняло, наверное, не больше трёх минут, но в мою память врезалось навсегда. Это ж надо – коню морду набить!

И когда много позже я услышала, что мат – это язык обращения с неразумной скотиной, я сразу этого Карько вспомнила. Ведь он так впечатлился, что дальше вёз нас, как самую большую драгоценность или хрустальную вазу: на подъемах истово упирался всеми четырьмя копытами, а на спусках так старательно придерживал телегу, аж хомут на уши налезал! Наверное, довёз и перекрестился, потому как видно было, что такого страха не испытывал досель ни разу. У нас не забалуешь!

Это тот случай, когда, как говорится, «разум – сын кулака». На всю жизнь запомнишь урок. И когда мы слышим матерщину в свой адрес или в адрес окружающих людей, нас неспроста оскорбляет такое поведение, потому что внутренне чувствуем – нас только что низвели до положения безмозглой скотины, которая другого языка не понимает. Пресловутое «быдло» изначально – это тягловый скот, вол или бык в ярме, тупой и грубый.

Где мат, там обычное дело – драка и поножовщина. Это основная «привилегия» уголовников и бомжей. И если некоторые интеллигенты и деятели нео-искусства возводят матерщину в ранг новой моды, это их выбор. Но суть остается прежней, она от яркой упаковки не меняется.

В русском языке существует ещё такое понятие, как «матерная брань». Это совершенно другое явление, затрагивающее другие силы и другие пространства сознания, в отличие от бытовой матерщины. На «поле брани», когда идёт битва не на жизнь, а на смерть, именно матерная брань, как сакральное действие, уместно и оправдано тем, что таким способом воин, находясь на острие, на волоске от гибели, призывает силу рода и силу предков помочь выстоять в этой битве и победить.

Те, кто стоял против русских в бою, знают их бесстрашие, храбрость и отвагу. От Москвы до самых до окраин русский воин – это сила, это слава, это доблесть и мужество. Так не роняйте себя в грязь, господа... Не срамите дедов.

23.05.2016

Такая разная осень

Она круглолицая, голубоглазая, большая и мягкая, как оладушка. Он – невысокого росточка, жилистый и лопоухий с внимательным и глубоким взглядом синих глаз. Семейный стаж – сорок лет. И как-то так получилось, что за все это время не поссорились ни разу. День по дню, день по дню – вот и годы прошли. Берегли, заботились друг о друге, жалели, чего же тут ругаться?..

Володя только ворчал, что Валентина часто в храм ходит – «грехи сдавать», потом смирился, что-то понял, наверное. Она ведь всю жизнь смолodu «на группе». Врачи удивляются, что жива до сих пор. Хорошо хоть до болезни доченьку Танюшку родить успела, теперь уже милых внуков, Карину с Никиткой, с божьей помощью наставляет, как нужно молиться и относиться к жизни. Сама же радуется, как ребенок, каждому проростку из земли и каждой звездочке на небе.

– Смотри, дорогая Людочка, какое небо звездное сегодня! Конец сентября, а будто август! – пригласила меня Валя во двор порадоваться красоте, разделить ее восхищение богатством мира. А небо и вправду было бездонное, ясное, усыпанное мириадами светящихся точек.

«Я посуду мыть люблю: водичка теплая, я молитвы пою, так радостно на душе! Даже жалко, когда дочь или внучка все вымоет...» – делится Валентина.

А мне удивительно приятно слышать в свой адрес: «Господь любит, раз гостей послал! Заходи, у меня лец запеченный сегодня, будто знала».

Володя же, отслуживший срочную на Северном флоте, всю жизнь с техникой «на ты». Умелец на все руки. Насос установить, мебель изготовить или мотор наладить для него не проблема. Смастерил себе и дочери лебедку такую с плугом, чтобы огород пахать. И трактор не нужен. И сажал, и поливал, и полол – все сам.

«Встану утром, в огороде посадки политы и окучены, а на крыльце – ведерко с черникой и лукошко со свежими огурчиками стоит!» – говорит Валентина.

Володя и рыбак отменный, и охотник. Небольшая медвежья шкура лежит на полу в прихожей – это Володин трофей. Черный пес Дон томится на цепи в ожидании похода в лес да еще молодая лайка Яра ждет охотничьих уроков, скулит в вольере от нетерпения.

Но неожиданно для всех Володя заболел и слег на целый месяц в больницу. Никогда такого не бывало! Всегда на ногах, весь в движении.

«Я думала, у меня и трава-то в огороде не растет, а тут как прорвало! Вот беда! В субботу баню топить надо, а я не знаю и дрова-то какие брать... Всегда ведь как было: приду в готовую баню, а на полке уже тазики с теплой водой для меня налажены, все Володя сделал...» – рассказывает хозяйка с грустью в голосе. А я вижу, что все думки ее только о нем. Денно и ночью, мысленно и вслух молится раба Божия о здравии болящего Владимира, ждет, что все будет, как раньше.

И вот радость: Володю, наконец, из отделения выписали, домой приехал. Ослаб, конечно, но надежды на будущее не теряет. Они ведь с Валею простые люди, живут бесхитростно и мирно. А мне так хочется хоть изредка погреться в невидимых лучах неяркого свечения от их добрых и любящих сердец, побыть с ними рядом.

У Светланы же жизнь совсем другая. Возраст – пятьдесят «с хвостиком». Две дочери и внучка – ее забота и радость. Но близость к столице, востребованная профессия, напряженный ритм жизни накладывают свой отпечаток. Хороший ремонт в квартире, светлый кожаный диван в комнате, трюмо и столик с инкрустацией, красивая сумочка, модные туфли, элегантная одежда – важная часть жизни Светланы и основная нагрузка для ее кошелек. Ежегодный отдых в теплых краях тоже требует средств, так что работать приходится много и интенсивно. И вроде выглядит молодо и ухоженно, одета прилично, в доме все есть, а все-таки чего-то

недостаёт. Только вот чего?.. Свой ответ на вопрос об источнике счастья искал и Омар Хайям и вот что выяснил:

*В чьем сердце нет весны,
Тому весны не знать.
Тому, кто сам молчит,
И эхо не ответит.*

Три «о» в отношениях

На самом деле «о» гораздо больше. И обоняние с осязанием тут совсем ни при чём. Объясню по порядку.

Вопрос такой: что должен делать парень, чтобы привлечь девчонку? Правильно: о-балтывать, о-кармливать и о-плясывать! Так было в традиции на Руси. И не думайте, что «обалтывать» означает «охмурить, обмануть или охомутать»! Вовсе нет. Это значит: окутать своим обаянием, очаровать, привлечь внимание и увлечь разговорами. Проще говоря, с девчонкой нужно разговаривать. И сделать так, чтобы ей с тобой было интересно. Каждый уважающий себя ловелас с этим согласится, не правда ли?

Второе: без пряников не заигрывай! Девушку надо угостить, улестить, накормить и уважить. Здесь в ход идут мороженое, конфеты, тортики, пирожные, шашлыки, борщ и котлеты. Кто ж с тобой на голодный желудок согласится беседовать?! В прежние времена девушки на поясе носили даже специальный мешочек-кармашек, который назывался «лакомник». Туда полагалось прятать леденцы, прянички, орешки и разные другие дары от ухажёров.

Дальше ещё проще: на дискотеке или вечерке милая красавица, понятное дело, танцует только с тобой. Конкуренты и соперники отшиваются словами, оттираются в сторону твоей широкой спиной, а избранница любит твоими уверенными движениями в танце или плясе и гордится благородным поведением. Тем самым ты заявляешь миру и общественности: вот моя невеста, я её защищаю, развлекаю, увлекаю и никому не отдам! Такая пара вызывает восхищение, удивление и зависть окружающих.

*«И пускай на нас люди злятся:
Ай и что это... Что за парочка?...»*

О-певание – тоже важное дело. Сажали рядком парня и девку и заставляли петь. Если песня ладится, то эту парочку можно и обженить, а если голоса звучат вразнобой, значит, не пара, семья из них не получится.

Оплясывание – необходимая часть ухаживания, да и без обалтывания и окармливания в конфетно-букетный период не обойтись, как ни крути. Во все времена законы общения и привлечения пары актуальны и злободневны, как вечная тема любви, верности, разлуки и измены. И сегодня в век интернета мы так же любим, страдаем, сомневаемся и переживаем.

«Любит – не любит? Плюнет – поцелует?.. К сердцу прижмет или к черту пошлет?..» Наша душа, как и тысячу лет назад, ищет любви, томится без неё и увядает. Так что, дорогие наши кавалеры, берите на вооружение правило трёх «О» и будьте счастливы и любимы!

Черёмуха

Наша деревня Ворончиха затерялась среди бескрайних лесов на границе Кировской, Архангельской и Вологодской областей. Этаким «медвежий угол», как говорил дедушка.

На болотах растёт в изобилии клюква да морошка, в лесу – черника, а в самой деревне – из «фруктовых» деревьев лишь черёмуха да рябина. Причем черёмуха возле каждого дома своя. Нам, ребятишкам, по правилам деревенского этикета не разрешалось есть ягоды с «чужого» дерева.

У нас черёмуха была старая-престарая, высоченная, в несколько стволов. По слухам, её ещё мой прадед Галактион Мосеевич сажал. Ягоды с неё крупные, сладкие. А самые спелые, как водится, на вершине.

Нас трое внучат в гостях у бабушки на Ворончихе. Мне лет 13. Лазила в то время, как белка, забираясь на самую верхотуру. Ещё есть двоюродный брат Колька – философичный увалень, похожий на Вини-Пуха. Третий был Димка – писклявый борец за вечную справедливость (правда, почему-то всегда в свою пользу), самый младший из нас.

В тот день мы прочно обосновались на черёмухе: я стою на самом верху, Колька оседлал толстую ветку прямо подо мной, Димка где-то пониже сбоку. День веселый и солнечный, черёмуха вкусная – самый смак! И вот подходит к нашему «гнездовью» согнутая пополам соседка Солдатиха с двумя своими голоштанными внучками. Девчонки канючат:

«Скинь кистку! Скинь кистку!».

Я сбрасываю им в траву кисточки черёмухи, они и рады, бегают, ищут в траве под ногами. Бабуля, задрав голову к небу, у меня и спрашивает:

«А ты не упадешь?»

«Ещё чего! Не упаду, конечно!» – самоуверенно хмыкаю я, как сейчас помню, держась за листик.

Стою уверенно, под ногами надежный толстый сук. С чего бы мне падать?! Вдруг раздается непонятный треск и я чувствую: лечу! Причем, судя по ощущениям, лечу довольно долго. Потом – бум! Обо что-то мягкое... И лечу снова, теперь уже совсем немного. Бряк! – вот и земля.

– Что это было?!

Тихонько разжмуриваю глаза и утыкаюсь взглядом в свои руки, насмерть вцепившиеся в лежащий поперек злополучный сук. Медленно разжимаю побелевшие пальцы и вижу чуть в сторонке на земле Колькин «аэродром». Это была настоящая морская бескозырка с ленточками и золотой надписью «Тихоокеанский флот». Её еще здорово было в воздух по ветру запускать, потому и «аэродром». На Колькиной круглой голове бескозырка сидела как влитая.

Первая мысль:

– Все, убила парня!..

Ведь это об него я стукнулась всем телом, пролетая мимо, незнамо как ухватившись за обломившийся подо мной черёмуховый сук. Со страхом поднимаю глаза кверху: фу-у-у, Колька, как медвежонок-коала, обнимает свою прочную ветку, живой и невредимый, но немного помятый и испуганный.

Проверяю, могу ли двигаться: да, все в порядке, только ссадина свежая на руке да крапивою обожглась. Но это мелочи, если учесть, что свободного пространства под черёмухой было всего ничего – где-то метр на метр. Тут старые пеньки торчат, тут поленница сложена, а тут колья для ограды приготовлены – вверх смотрят.

Так что мой полет оказался на редкость удачным. Без «парашюта» могла бы и разбиться, или покалечиться. Но ягод-то на черёмухе еще полным-полно. А если бабушка узнает о происшествии, запретит на дерево лазить, а снизу много ли достанешь? И вот мы как три муравья

взгромоздили себе на плечи виновника всех бед и утащили под слуду, чтобы замести следы. А с бабки Солдатихи взяли слово, что нас не выдаст. На том и порешили.

Когда через неделю носили воду в баню на краю поля и Колька свой «аэродром», нагнувшись за ведром, в колодец обронил, все та же Солдатиха нас и выручила: мастерски привязала веревку морским узлом к железной «кошке» и вручила нам. Когда бескозырка появилась на свет над краем колодца, наше дружное «ура» огласило окрестности. И маленькое «стадо бизонов» понеслось на новые подвиги.

Бабушка тем временем уже наставила на березовой лучине самовар, накрыв нехитрый стол для чаепития. «Пора жарену воду пить!» – говаривал дед Фёдор. На столе баранки, сухое печенье, топленое в печи молоко с кружочками масла и зажаристой пенкой и в сахарнице заботливо наколотый дедушкой на дольки прессованный сахар, который полагалось пить с чаем вприкуску.

И весь наш большой дом ощущался настоящей крепостью. Еще бы! Ведь по соседству живет старушка, которая ловко вяжет морские узлы, а у дедушки есть настоящий фронтовой котелок, немецкий шомпол, похожий на цепочку, и медаль «За оборону Ленинграда».

01.12.2010

Языковой барьер

Широко распласталась Кировская область по карте России, высунув длинный язык на север и изо всех сил стараясь лизнуть Архангельскую землю. Судите сами: от моей родной Ворончихи, расположенной на самом рубеже, каких-то 5—10 километров до бывшего Хоботовского леспромхоза и Христофорова, которые уже относятся к Архангельску, как бабушка говорила. Влево по карте в 12 км селение Вологодчины, вправо – рядышком совсем земли Коми. А деревня наша, оказывается, до революции 17-го года была в составе Сольвычегодского уезда Вологодской губернии, потом до войны – Архангельской областью, а теперь это – Кировская, Лузский район. Вот так, не трогаясь с места, мои предки успели пожить в трех разных областях севера России.

Леспромхозы позакрывали – леса нет. Деревни давно опустели. Только у меня на кончике языка всё чаще вертятся, готовые сорваться, бабушкины словечки:

– Эво, чуёшь, трахтур-от по наволоку по Гребенеской стороне затурунчел? Поди-ко, Васька в Токарёво поехал... Эку беду палит, поглико-ся... А Зинка, мати-та евонна, нонь на Повосте живёт, как баровна – в новом-то дому...

И журчит разговор, как речка Лала, перекатываясь камешками-словечками... Заслушаешься и забываешь обо всём... Вот, кажется, русские люди и говорят по-русски, но городские приезжие мало что понимают и всё время переспрашивают:

– А что она сказала?!

Есть ещё особенность: верхнелальцы говорят чуть-чуть иначе, чем в Нижне-Лалье – мелодика речи другая, темп немного выше, хотя расстояние между ними около 30 км. Понятное дело, что так сложилось не сегодня: нашим поселениям по 300—400 лет, а северные говоры сохранили особенности русского языка времен Ивана Грозного, восходящего аж к санскриту. Оттуда берут начало многие слова и выражения, непривычные современному слуху:

– Телушка-та лонися несолоща палася, эка морная! Глико, чё диётся...

– Каку сулему буди не ешь! Сопи ну-ко! Укусная ведь окрошка-то!

– Вот я тебя ужо! Разве лзя на мати свою руку-то подымать?!

Звучит непонятно, но догадаться о смысле можно.

Сегодня молодые стесняются своего сельского происхождения и всеми силами пытаются скрыть родительский говор, выражаясь по-городскому литературно. Да и советская школа приложила немало усилий, чтобы диалектные словечки исключить из речи учеников. Говорить надо правильно!

Рассказывают историю, как две девушки из наших северных краев поехали как-то на юга погреться на солнышке. Сидят на пляже, болтают. А мужчина по соседству наострил уши и слушает! Они смутились, замолчали... А он им умоляюще:

– Девочки, поговорите еще немножко! Мне так нравится!

А «девочки» еще больше насупились, поняв, что выдали себя с головой деревенским говорком и оканьем...

Музыкальность, образность и смысловое наполнение северного вологодского диалекта – жемчужина русского языка, которую мы не ценим и вот-вот утратим из-за глупого стремления к урбанизации и придуманным кем-то стандартам. Бабушки еще по привычке говорят на древнем родном наречии, а внуки отметаю его, как ненужное и отжившее старьё, лишая себя красоты и силы, идущей от корней народа. Ведь любое растение, лишившись корней, сбрасывает листья и увядает... Так и иваны, не помнящие родства, остаются неприкаянными перекасти-поле – без воли и Родины.

Язык – культурный генетический код народа. Это единственное настоящее сокровище, которое мы можем передать вперед по поколениям – нашим детям и внукам. Песни, сказки,

предания и былички, передаваемые из уст в уста – подлинная драгоценность, которая может рассыпаться и потускнеть, если мы, простые люди, перестанем говорить по-русски, употребляя в большей степени неологизмы: заимствованные, сленговые слова и наукообразные термины. В столицах многие и так уже общаются на «нагло» -русском наречии. Ведь известно, что если человек не интересуется культурой своей страны, её историей, не читает хорошие умные книги, его речь остается скудной, косноязычной, а чувства и мышление не развиваются, тогда и расцветает пышным цветом бескультурье и нищета духа. По сути – это путь деградации нации.

«Люди перестают мыслить, когда перестают читать», – говорил Д. Дидро.

Беречь и сохранять свой родной язык – задача каждого русского человека. И я думаю, многие со мной согласятся.

24.03.2015г.

Настоящее сокровище. Швейка-копылок

Копыл, копылок – общее название для Г-образных прялок и швеек, бытовавших в крестьянском обиходе прошлых лет.

Мой копылок-швейка достался мне от кировской бабушки, а ей – по наследству по материнской линии от её мамы и бабушки. Не случайно на донце копылочка так много написано инициалов бывших хозяек, буквы теснятся и сверху и снизу дощечки. А конец донца зачем-то выпилен с боков, по-видимому, в поздние времена, так что несколько буковок ополовинено... Конструкция стойка-донце складная 40 на 43 см, что выгодно отличает мою вещицу от себе подобных. Свернула девушка две палочки вместе, подхватила под мышку шитье и побежала на посиделки в общую избу! А там парни приходят к мастерицам, балагурят, присаживаются на колени.

– Бабуля, как это: парни к девкам на колени?! Ведь тяжело же!

– А тяжело, так сбросишь! – смеется бабушка.

*Отбивай, подруга, дролю:
Все равно не завладеть —
На твои колени сядет,
На меня будет глядеть!*

А самая красота – это прорезная, в два яруса стойка копылка – «городок». Сквозные «хоромы» с четырьмя резными столбиками выкрашены в желтый и синий, далее часть – оранжевая, потом синяя. На круглом навершии вбит крючок, на котором, видимо, «временно» прикреплен лоскут – погон от солдатской шинели царского времени (судя по форме и качеству выделки сукна). На него прикалывали шитье или вышивку для удобства работы, обеспечивая необходимое натяжение ткани. Ручное шитье было обычным женским делом в долгие зимние вечера, когда заканчивались полевые работы. А отцы, мужья и женихи красавиц соревновались в искусности при изготовлении подарка для милых и любимых – дарили прялки и швейки одна другой краше, резные да расписные.

Из бабушкиного сундука

Юбки, платья, сарафаны – самая обычная женская одежда. Испокон веку до наших дней женщины носили их и носят в разных вариациях во всех без исключения мировых культурах: будь то Восток, Азия, Европа или Россия. Брюки в наш гардероб пришли с Запада вместе с эмансипацией совсем недавно. В российской глубинке обычаи предков еще долго не сдавали свои позиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.